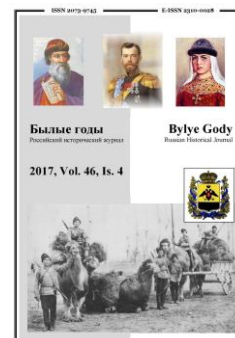

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1401-1415, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1401
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

"Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, c, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

^c American Historical Association, USA

Abstract

In the second part of the article, we continue to explore regional prerequisites of the reforms of the Don Cossacks 1860–1870 on the basis of the works of contemporaries including unpublished manuscripts. We were able to identify some manifestations of the crisis of the Don Cossacks in the mid 19-th century. Troops of Don Cossacks demonstrated lesser combatant value with each new war. Government system of Don Host Oblast was archaic and inefficient. We concluded that reforms were necessary for Don Cossacks because of internal, not external reasons, but the fact that these reformatations were directed on its "civil development" to the detriment of martial part was personal decision of Minister of War D.A. Milyutin. Although this decision was supported by office of Ministry of War many his contemporaries considered it false.

Keywords: the reforms of Alexander II, D.A. Milyutin, Don Host Oblast, the reforms of the Don Cossacks 1860–1870, the crisis of the Don Cossacks in the mid 19-th century.

3) *Неэффективность системы управления Землей Войска Донского.* Казачья замкнутость наложила свой отпечаток и на систему управления Донским войском. Казаки вообще рассматривали Землю Войска Донского как свою территорию, территорию, пожалованную им Высочайшими грамотами (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 506.-606). Приведем еще одну цитату из критики П.А. Валуевым нового проекта «Положения о войске Донском». «Увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст. 442 на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоего пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» (Волвенко, 2014а: 18). Может показаться, что словам министра внутренних дел не стоит придавать особого значения, поскольку они касались нереализованного проекта. Однако ситуация в сфере образования была как раз нетипична для Земли Войска Донского. Большинство должностей на его территории могли занимать исключительно казаки, независимо от их способностей: так, за ними были закреплены все офицерские вакансии в донских полках и большая часть административных постов в регионе. И, как мы увидим ниже, слова П.А. Валуева о «неразумности» предоставления ответственных должностей некомпетентным людям исключительно из-за их «правильного», казачьего происхождения, очень удачно характеризовали ситуацию на Дону.

Само появление в тексте проекта «Положения об управлении Донским войском» требований распространить сословную систему назначений на учебные учреждения было далеко не случайным.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

О настроениях в казачьей среде можно судить по тому, что депутаты Новочеркасского и Хоперского округов критиковали этот проект с противоположной П.А. Валуеву позиции. По их мнению, в нем было прописано недостаточно привилегий казаков, дающих им права на приоритетное занятие должностей внутри войска: лицам казачьего происхождения следовало предоставить такие привилегии не только в военной, административной и образовательной сферах, но и в сфере религиозной. Депутаты утверждали, что после того, как в 1835 г. епархиальным властям разрешили назначать приходских священников в станицы без учета их происхождения, прихожанам против их воли стали навязывать лиц совершенно посторонних, «даже иногородних». Казаки не могли относиться к таковым «с прежним благоговением», и только возврат к традиционному порядку, когда «войсковые граждане» пользовались преимуществом при получении постов в местной духовной иерархии, мог вернуть царствовавшее ранее «между духовенством и прихожанами взаимное согласие и истинно-христианское уважение» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 3-4; Д. 240. Л. 21-23об).

Как видно из проекта «Положения о войске Донском» и его критики станичными депутатами, донское общество 1850–1860 гг. было достаточно ксенофобским, и тяготело к еще большей закрытости. Не стоит думать, что влияние подобных настроений на местную администрацию компенсировалось тем фактом, что атаманскую должность после смерти М.Г. Власова в 1848 г. занимали исключительно генералы не казачьего происхождения. Управление войском, реальный контроль за различными сферами его функционирования все еще оставались в руках казаков. Об этом можно судить из воспоминаний В.Д. Новицкого, состоявшего чиновником особых поручений при донском атамане М.И. Черткове. Его свидетельство столь интересно, что мы позволим себе остановиться на нем подробно.

Иногда не книги основываются на реальных событиях, но реальность словно пародирует книги. На Дону в середине XIX в. будто бы заново разыгрывался сюжет «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: донские помещики по малоизвестному закону имели право получать 5 десятин на каждого крепостного крестьянина, и некий хорунжий Когальников попытался воспользоваться этим, фиктивно приобретая крепостных, порой уже умерших, и получая на них участки. «Когальников совершил массу подложных купчих крепостей от таких лиц, которые десятки лет назад поумирали; другие, находившиеся в живых, совершенно даже не знали о числящихся за ними по окладным книгам крестьянских душах; причем для запутания дела и скрытия всяких следов, души перепродавались из одних рук в другие, на имя лиц, в действительности не существовавших или же давно умерших, и полученные в надел на эти души земли тотчас же распродавались такими же путями и способами, и таким образом дела запутывались всевозможными махинациями, к числу которых, между прочим, должна быть отнесена и выдача подложных паспортов и видов из атаманской канцелярии, о чем также было следственное производство. Хорунжий Когальников был на Дону в 1860-х годах тот же Чичиков. По этому следственному делу возвращены были *десятки тысяч десятин земли* (курсив мой – А.П.) в войсковую собственность из частных рук, завладевших неправильно и незаконно казенными войсковыми землями» (Новицкий, 1991: 54). Для нас в этой истории важен тот факт, что В.Д. Новицкий не был первой кандидатурой атамана для расследования этого дела. Офицер в своих воспоминаниях признавал, что ему «пришлось» заниматься им только потому, что ни один казак не брался раскрывать преступления Когальникова, и у этого нежелания были принципиальные причины (Новицкий, 1991: 53).

«По внедрившемуся в казачью плоть и кровь убеждению, все войсковое имущество и земли составляют достояние одних казаков. К войсковой собственности казаки относились так, что они все считали своим достоянием, даже войсковую казну, на которую простирали свое право самым незатейливым образом и приемами» (Новицкий, 1991: 53). Это свое утверждение В.Д. Новицкий иллюстрировал и другими примерами: например, при строительстве Новочеркасского собора прямо на глазах у властей расхищали казенный кирпич, «каковой увозили, говоря, что это – войсковое имущество, принадлежащее каждому казаку». Атаманы пытались бороться с этим, назначая специальные следственные комиссии, однако продолжать воровать они ничуть не мешали (Новицкий, 1991: 54).

Таким образом, на Дону сложилась крайне не типичная для Российской империи в целом ситуация: контроль за выполнением имперских законоположений и распоряжений центральной власти был возложен на представителей достаточно узкой сословной группы, для которых нередко местные традиции были куда важнее этих законоположений и распоряжений. Ситуацию дополнительно осложняло то, что для казачьего сословия в целом была характерна круговая порука: В.Д. Новицкий для ее характеристики приводил характерную для донцов фразу «русским может быть каждый, а казаком нужно родиться» (Новицкий, 1991: 53), а М.Н. Харузин писал, что «при решении тяжбы «русского» с казаком в станичных судах нередко применяется правило «казака на мужика менять не приходится» (Харузин, 1885: XXVIII). В качестве примера уместно снова вернуться к описанию дела Когальникова: были украдены десятки тысяч десятин, в преступном сговоре участвовали правительственные чиновники, но ни один казак, вопреки воле атамана, не взялся вести расследование. Конечно, было бы неправильно изображать Землю Войска Донского как царство некоего казачьего произвола, где не действовали законы Российской империи. Однако очевидно, что

с точки зрения центральных властей было бы неплохо, если бы эти законы действовали в несколько большей степени.

А привлечению дополнительных иногородних чиновников для контроля над их исполнением мешали как ксенофобия донского общества, так и правительственные законоположения об управлении Донским войском. В.Д. Новицкий жаловался, что ему служилось на Дону нелегко, во многом как раз из-за враждебного отношения казаков к чужаку (Новицкий, 1991: 52). Приведем ярчайшую цитату из документа, характеризующую отношение казаков к подобным пришельцам. Она взята из анонимного письма, адресованного боровшемуся со сложившейся в донской администрации ситуацией М.И. Черткову. «Для инспектирования полков – Вы выписали генерала, объясняя это тем, «что инспектора из донских могут запинать на улице, если он добросовестно исполнит свое дело». Вы знаете, почтенный Михаил Иванович, что это значит? Если только сами понимали всю мерзость смысла этого своего обвинения! Ведь это значит, что Вы не находили на Дону людей честных, которым можно давать отдельные поручения, что Вы подозреваете целое общество в какой то повальной подлости. Но Вы этого не смеее думать, Вы это сделали по своей обычной тупой несообразности, и общество ответило Вам своим презрением, хотя и не могло забыть оскорбления» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 3). Борьба М.И. Черткова с местными традициями особенно примечательна тем, что донскому обществу удалось, в конце концов, победить атамана: он ушел с должности по собственному желанию, несмотря на поддержку императора, не желая оставаться постоянной мишенью для подобных анонимок. Более того, по свидетельству все того же В.Д. Новицкого, из-за крайней непопулярности атамана «все начинания его ни к чему, в действительности, не сводились и имели недостаточный и нежелательный результат» (Новицкий, 1991: 55).

Если таким было положение дел в середине 1870-х гг., то десятилетием раньше все было еще хуже. К донской ксенофобии добавлялась ограниченность полномочий атамана. Идейный лидер казакоманов, А.М. Дондуков-Корсаков, считал господствовавший тогда принцип выборности донских чиновников одновременно соответствующим либеральному духу времени и глубоко традиционным для донского казачества. Он подчеркивал, что почти все чиновники на Дону, даже занимающие высокие должности, избирались волей местного населения, а не назначаются сверху (Карасев, 1896: 577). Однако фактически дела обстояли совсем не так благобно. Недостатки победителей выборов, которых атаман не имел права менять, далеко не всегда ограничивались специфически казачьим взглядом на свои обязанности. Еще в 1823 г. будущий военный министр Российской Империи А.И. Чернышев писал по поводу системы назначения чиновников в Донском войске: «Многие из них (чиновников – А.П.) достойные, но недостаточные по своим способам часто не могли присутствовать при выборах и сами быть избираемы единственно потому, что за отдаленностью жительства своего от города и по трудному переезду не могли в оном быть, или неправильно от сего устранялись поводом войсковой власти. От сего в выборах к должностям участвовали не все чиновники войска, и нередко жребий падал на людей, не имеющих общего к себе доверия» (Столетие, 1902b: 275-276). Увы, в дальнейшем положение не слишком изменилось. Современная исследовательница Н.В. Горбунова обнаружила, что, например, в 1839 г. из 496 донских дворян, имевших право голосовать, в Новочеркасск на выборы прибыл только 201, еще 129 прислали объяснения с оправданием своего отсутствия, а 166 оставшихся просто не явились без уважительных причин (Горбунова, 2011: 59). В Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) нами были обнаружены следы любопытной истории, разыгравшейся уже в 1860 гг.: один из мировых посредников, подполковник Скасырский, проявил себя как нерадивый чиновник, после чего «внезапно» выяснилось, что с военной службы он ушел с судом. В городе, где квартировалась часть под командованием этого офицера, начался пожар, и за последовавшие за этим беспорядки Скасырский был отдан под суд, признан виновным и приговорен к штрафу, аресту на 20 дней и последующей отправке на Дон. Однако это не помешало как раз выборному дворянскому депутату Донецкого округа, штабс-капитану Исаевичу, рекомендовать Скасырского на новую должность (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 906. Л. 2-7).

И окончательно усугубляло проблему то, что в случае конфликта с местным чиновничеством донские атаманы не могли рассчитывать на безоговорочную поддержку центрального правительства. В этом отношении показателен сюжет с другим атаманом, А.Л. Поповым, которого А.А. Волвенко характеризует как «грозу местного чиновничества» (Волвенко, 2017: 115). А.Л. Потапов попытался инициировать сенатскую ревизию войсковой администрации, однако уже изданный указ по этому поводу был отменен лично Александром II. В документах содержится такое объяснение данному решению: «сенаторская ревизия – факт небывалый в этом крае, приравнивая его к прочим губерниям империи, поселит опасения в умах населения, расположенного видеть во всяком правительственном распоряжении посягательство на привилегии, приобретенными боевыми заслугами и которыми оно столь дорожит» (Волвенко, 2017: 116).

Система управления Донским войском нуждалась в кардинальной перестройке, чтобы обрести хотя бы минимальную эффективность. Это относилось не только к гражданской, но и к военной составляющей. Нам бы хотелось привести еще один обширный отрывок из воспоминаний В.Д. Новицкого, характеризующий положение с назначением уже не гражданских чиновников, но военных офицеров. Он показывает, насколько ограниченными были права атамана и в этой сфере, и

одновременно может служить переходом к следующему разделу нашей статьи. «Сверх того при атамане Черткове был положен конец назначению командирами казачьих полков с Дону на внешнюю службу полковников, по старшинству и по очереди, по общему кандидатскому списку, в который вносились все без исключения полковники, какие бы они должности, как гражданские, так и военные, ни занимали. Таким образом, лица, состоявшие в чинах полковников и достигнувшие сих чинов при бытности их исключительно и только на гражданской службе, никогда на конях не сидевшие, и пик в руках не державшие, по дошедшей до них очереди по кандидатскому списку получали полки, вели их для отправления службы за пределами войска и не были совершенно ознакомлены со строевою военною службою. Получения полков выжидали все полковники с целью, конечно, обогащения от командования полками, нажития состояний, несомненно, на счет своих же донских казаков-урядников и простых казаков. В результате получалась на Дону, по возвращении полков с внешней службы на Дон, такая картина: полк входил в пределы войска без командира полка, который, укрываясь, из боязни, от казаков полка, исчезал в неизвестное пространство, а на границе области полк встречался командированными атаманом генералами и штаб-офицерами для опроса претензий казаков, и претензии были таковы, по громадности злоупотреблений, что приходилось почти всех командиров полков предавать суду» (Новицкий, 1991: 56). Реформы были необходимы не только казачеству, как сословию, но и войсковой администрации, и в 1860 гг. эти реформы действительно начались.

4) *Спорная боеспособность донских казачьих частей.* Мы не случайно употребляем слово «спорная». Дискуссия о том, насколько донцы 1850–1860 гг. были опасны для противника, была начата еще современниками и продолжается по сей день. Совершенно особняком тут стоят события Кавказской войны, в ходе которой донские части проявили себя особенно слабо. По свидетельству А.В. Захаревича, посвятившего большую часть своего творчества исследованию участия донских полков и батарей в этом конфликте, за неспособность к службе на Кавказе донцы даже получили обидное прозвище «камыш». Правда, в своей монографии он называет это прозвище незаслуженным (Захаревич, 2005: 192). Однако впоследствии историк сменил свое мнение и в соавторстве с К.В. Скибой выпустил интереснейшую статью «О донских казаках, служивших на Кубанской линии в 1790–1830-х гг.» (Захаревич, Скиба, 2016: 90-98). В ней авторы привели любопытные замечания В.Б. Броневского, которые воспроизведем по их работе и мы. «Наш донской ратник на своей пахотной лошадке, плохо владеет саблей, невпопад стреляя из ружья, с одной только пикой, в наезде один на один не может равняться с закубанским рыцарем... и, если в бою казак хотя бы немного выедет вперед и выстрелит невпопад, тогда пиши его в расход. Черкес пускается на него во весь дух, наскакав, ловко уклоняется от острия его пики, отводит ее в сторону или булатом своим пересекает ее как тонкий прут и, тогда, рубит сопротивника своего как капусту, и если время позволит, в мгновение ока прекращает жизнь его, одним ударом острого кинжала. <...>. К сожалению, донцы наши, которым поручено охранять дорогу, ведущую к Минеральным Водам, столь мало уважаются черкесскими хищниками, что три или четыре конвойных нимало не обеспечивают жизни проезжающего. Даже вместо 20 казаков, лучше иметь при себе трех или четырех егерей, которые в опасном случае, зная, что пеший от конного не уйдет, защищая собственное свое тело, постараются продать свою жизнь как можно дороже, и вверенного для защиты путешественника не предадут разбойникам на верную смерть. Казаки же, при появлении превосходной силы, непременно будут скоро рассеяны и прогнаны, или сами заблаговременно ускачут, для истребования помощи из ближнего селения» (Захаревич, Скиба, 2016: 96). А.В. Захаревич и К.В. Скиба считают, что боеспособность донских частей резко упала в 1820 гг., когда, с одной стороны, закончили службу большинство ветеранов наполеоновских войн, а, с другой, наметился упадок традиций военной подготовки в станицах (Захаревич, Скиба, 2016: 95).

Но, при всей яркости подобных описаний, они содержат в себе только часть истины. Кавказский театр военных действий носил достаточно специфический характер, к которому донские части, в отличие от линейных, оказались совершенно не готовы. Это признавали и пытались исправить даже донские генералы: И.И. Краснов, служивший походным атаманом на Кавказе, с одобрением отзывался о проектах начальства отдельного кавказского корпуса, предполагавших организацию специальной подготовки донских полков к военным действиям в этом регионе. Донской полководец соглашался, что «природа Кавказа и его своеобразный неприятель требуют для успешного действия казаков ближайшего знакомства с краем» (И.К., 1865: 76). Но в то же время И.И. Краснов призывал не недооценивать донское казачество. Он считал, что донцы превосходят линейцев в способности к действиям в составе крупных отрядов, хотя и уступают им в «наездничестве, джигитовке и даже в стрельбе». И Кавказе, где донские полки часто раздергивались на мелкие отряды, их лучшие качества, по мнению походного атамана, оказывались не нужны, но они могли быть востребованы в других условиях (И.К., 1865: 80). Схожего мнения придерживался и А.М. Дондуков-Корсаков, который, признавая многие неудачи донцов на Кавказе, делал важнейшую оговорку. «При других условиях, по опыту, считаю донские полки отличнейшею кавалериею, и если они уступают линейным казакам в одиночных схватках с неприятелем, то безропотным перенесением трудов, стойкостью под огнем и строем при атаке они далеко превосходят первых» (Карасев, 1896: 591).

Таким образом, неудачи донских полков на Кавказе имели объективные причины, и до Крымской войны им не придавали особого значения. В конце концов, даже в боях с горцами донцы могли похвастаться отдельными значительными успехами (А.В. Захаревич и К.В. Скиба в качестве примера подобного приводят подвиги Я.П. Бакланова (Захаревич, Скиба, 2016: 96-97)). Однако события 1853–1856 гг. показали, что кличка «камыш» если и представляла собой определенное преувеличение, то, по крайней мере, «приклеилась» к донским казакам отнюдь не безосновательно. И враги, и офицеры русской армии ждали от потомков казаков М.И. Платова много большего. В качестве типичного примера подобных больших ожиданий и неоправдавшихся надежд Н.И. Краснов приводил в одной из своих книг следующие две цитаты из статьи анонимного французского автора «Les bachi-bosouks. Souvenirs de la guerre d'Orient». «Иррегулярная кавалерия находится не во всех государствах: в Англии ее никогда не было; в Австрии так же нет; Пруссия не показывала их в строю. Франция сделала два опыта: один с спагами, увенчавшийся успехом; другой, неудавшийся – с баши-бузуками. Что касается до России, она обладает с давнего времени истинною регулярною кавалериею, выразившейся в казаках. У нее-то и нужно учиться употреблению этого рода войска» (Краснов, 1870: XII-XIII). «Какими же мы нашли казаков в 1854 году? Что делали знаменитые их бекеты во время высадки французских войск? Сент-Арно доносит: «Я высадился без одного выстрела». Видели ли мы их около Камышенской бухты, в начале осады? Какая же причина такого упадка? Чему нужно приписать исчезновение этой драгоценной руды? Без сомнения, опыту – организации их в регулярное войско» (Краснов, 1870: XIII).

В чем-то соглашаясь, а в чем-то оппонировав подобной критике, Н.И. Краснов выдвинул важнейшую для нашего исследования идею о «кажущемся упадке воинственности в казаках». Генерал, признавая очевидное падение боеспособности донских частей по сравнению с прежними временами, акцентировал внимание на объективных причинах, мешающих донскому казачеству в полной мере раскрыть свой военный потенциал. Прежде всего, Н.И. Краснов подчеркивал, что в прежние годы воинское звание «было для казака ремеслом», и поэтому в введении специального военного обучения в станицах или в строевых частях не было необходимости. Однако эти времена давно прошли, а власти продолжали требовать от донцов несения службы, даже не задумываясь, как обеспечить качественную подготовку к ней. «До выхода на службу казаки, ни перед поступлением в полки, ни в самих полках, не обучались никаким воинским упражнениям, и, за исключением одного учебного полка, гвардейских частей и артиллерии, не имели ни смотров, ни фронтовых учений» (Краснов, 1870: XIII-XIV). Далее казачий генерал отмечал, что донские части не только на Кавказе раздергивались на малые отряды, но и в других регионах терпели такую же участь – вот только там их использовали не для борьбы с горцами, но для исполнения разного рода нестроевых обязанностей, вроде сопровождения арестантов или конюшенной службы. «Ко всему этому следует прибавить, что штабная администрация, разъединяя казачьи полки не только по сотням, но и на самые мелкие части и поодиночке, не могла уследить, чтобы казаки не продавали своих степных лошадей, покупая взамен их крестьянских кляч; собранные вновь в состав полка казаки представляли собою не строевые части, а людей, дурно обмундированных, еще хуже вооруженных, и, при всем этом, на худых конях» (Краснов, 1870: XV). Но свои самые убедительные доводы Н.И. Краснов оставил напоследок. «Казаки 1812–1815 гг. воспитывались в войнах конца XVIII и начала XIX столетия, тогда как выступившие в поход в войну 1854–1856 гг. (очевидная ошибка в тексте, имеется в виду 1853–1856 гг. – А.П.) могли участвовать в весьма непродолжительном венгерском походе и только старослуживые успели побывать в войне 1831 г.» (Краснов, 1870: XV).

Интересно, что Н.И. Краснов не пытался противопоставить рассуждениям французского анонима вполне реальные подвиги донцов в 1853–1856 гг., ограничившись своими рассуждениями. Между тем такие подвиги были ему хорошо известны: в другой своей книге он упоминал о обороне побережья Азовского моря в 1855 г., когда казачьи части не дали противнику осуществить десант (Краснов, 1863: 62). Более того, Н.И. Краснов сам был героем этих событий, сыграв заметную роль в обороне Таганрога (Королев, 1991: 218-219). Однако в середине XIX в. от донцов очевидно ждали гораздо большего: помимо текста французского анонима, в котором именно русская иррегулярная кавалерия прежних времен называлась образцовой и рекомендовалась как пример для подражания, донской генерал приводил цитаты и из других сочинений, содержащие, без преувеличения, почти мифологический образ казаков прошлого. «С волчьим взглядом и чутьем – они неутомимы, деятельны, верны службе, терпеливы в нужде и чрезвычайно кротки и послушны» (Краснов, 1870: XI). «Идучи ночью по звездам, а днем направляясь по солнцу, казак не потеряет дороги, не заблудится в лесу, везде пройдет и нигде не попадет в засаду. Никто скорее его не отыщет брода, проходимых мест на болоте и никто вернее его не осмотрит леса, дефилей и побочных путей, ведущих во фланг и в тыл неприятельской позиции» (Краснов, 1870: XI). «В местах опустошенных казак не умрет с голоду, и всегда добудет корма своей лошадке, невидной собою, но чрезвычайно сносной и довольствующейся самым плохим подножным кормом» (Краснов, 1870: XI). Н.И. Краснов помнил и о том, что «Карл XII, Фридрих II и Наполеон I, в особенности последние двое, считали казаков лучшею легкою кавалерией во всей Европе» (Краснов, 1870: X). Крымская война стала первым крупным конфликтом после того, как слава казачества достигла своего высшего пика: донцы М.И. Платова поили коней из вод Сены, и некоторые европейцы приписывали им почти мистические качества.

И казакам была предъявлена планка, которую, на наш взгляд, едва бы взяли даже донские полки 1812–1815 гг.: мнения, приводимые Н.И. Красновым, описывают уже не реальных воинов давних лет, но абсолютно мифологизированный, эпический образ, превосходящий любого человека. И поэтому герой Крымской войны не пытался равняться с подобными легендами, противопоставляя их эпическим подвигам скромные успехи последней войны, кажущиеся ничтожными на таком фоне, но оправдываясь за то, что нынешние казаки уступают им.

И все же Н.И. Краснов хотел справедливости: он доказывал, что казачество прежних времен, особенно казачество 1812–1815 гг., казачество эпохи наполеоновских войн и М.И. Платова, является не вполне корректным образцом для сопоставления с современным ему казачеством. Генерал признавал, что «упадок воинственности в казаках» по сравнению с началом XIX в. действительно имел место, однако связывал его с объективными обстоятельствами (прежде всего – с отсутствием у большинства солдат и офицеров донских частей полноценного боевого опыта), а не каким-то «ухудшением» самих донцов. Поэтому, очевидно, он и называл этот упадок «кажущимся», имея в виду не то, что его не было, но то, что он мог быть исправлен. И далее Н.И. Краснов приводил список мер, которыми Военное Министерство в 1860 гг. пыталось спасти положение за неимением войн, «в которых естественно лучше формируется казак» (Краснов, 1870: XV-XVI).

Нам кажется, что из изложенного понятно, почему оценка боеспособности донского казачества в 1850–1860 гг. была именно спорной. Кавказская война носила слишком специфический характер, чтобы безоговорочно переносить ее опыт на конфликты с европейскими державами. Крымская война однозначно показала, что донские казаки уже не так хороши, как были полстолетия назад. Однако в ходе этого конфликта вся российская армия проявила себя не самым лучшим образом, а донцы отметились целым рядом весьма достойных эпизодов, вроде успешной обороны Таганрога. Поэтому мы не беремся судить о том, насколько в принципе были конкурентоспособны донские части. Но для нас важно, что их боевая ценность вызывала у современников все большие сомнения, по свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, доходящие до полного отрицания «военных достоинств ирегулярной легкой кавалерии» в казаках (Карасев, 1896: 589). Хотя такое мнение кажется преувеличенным, и донские полки все еще приносили пользу Российской империи, каждая новая война все ярче демонстрировала такие их проблемы, которые нельзя было списать на театр военных действий. И последней каплей стало Польское восстание 1863–1864 гг. «Весною 1863 года, по случаю вспыхнувшего в Польше мятежа, вытребованы с Дона в западные губернии наши, экстренно и разом, двенадцать полков. В поспешности, некоторые из этих полков выступили без всякого приготовления и были наполнены, почти наполовину, малолетками. На обучение последних в походе имелось весьма мало времени, тем более, что в иных местах полки перевозимы были по железным дорогам. Прибыв на места назначенного для них служения, полки тотчас же поступали в дело и раскомандывались по взволнованному краю мелкими партиями и командами. Через это полковые и сотенные командиры лишены были всякой возможности заняться не только систематическим обучением казаков, но даже и поверхностным ознакомлением их с фронтом. Между тем, отовсюду, где служили новые донские полки, высшее правительство начало получать сведения, что большая часть их пришли с Дона в крайней неисправности; что многие офицеры обращают себя внимание незнанием своего дела и даже ненадлежащим поведением; что казаки, и особенно молодые, не умеют стрелять, не умеют и обращаться с ружьями; что вообще оружие у казаков дурного качества и неисправное, и, наконец, что в некоторых полках встречаются даже казаки, плохо ездящие верхом» (И.К., 1865: 79). Нам кажется, после прочтения такого отрывка становится понятно, насколько назрели изменения в военной организации Донского войска.

5) *Субъективные настроения в Военном Министерстве.* Эпоха Великих реформ в российской армии неразрывно связана с одним именем, с именем Дмитрия Алексеевича Милютин, человека, который был военным министром большую часть правления Александра II. Вопрос о его отношении к казачеству до недавних пор специально не изучался. Роль первооткрывателя в этой области взял на себя А.А. Волвенко, чью статью «Д.А. Милютин и казачество» мы считаем без преувеличения прорывной (Volvenko, 2016). И некоторые выводы, к которым пришел современный историк, принципиально значимы для темы нашего исследования.

Прежде всего, заслуживает внимания тот факт, что Д.А. Милютин был едва ли не единственным в истории Российской империи военным министром-либералом. При этом особенную неприязнь у генерала вызывали сословные привилегии и сепаратизм (Volvenko, 2016: 399). Ничего удивительного, что уже на раннем этапе своей деятельности будущий реформатор характеризовал сословно замкнутые и феодально-архаичные по своей структуре казачьи войска как необходимое для Российской империи... зло. Вот что писал Д.А. Милютин в конце 1830 г.: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения и там, где исчезнет цель, с которою оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления (курсив мой – А.П.)» (Volvenko, 2016: 400).

Кроме того, Д.А. Милютин был «кавказцем», офицером Кавказской армии, в рядах которой, как мы помним, донские казаки проявили себя значительно худшими воинами, чем представители местных казачьих войск. По оценке А.А. Волвенко, в мемуарах генерала явное предпочтение отдается линейным и черноморским казакам, хотя от острых критических выпадов в адрес донцов он воздержался (Volvenko, 2016: 400). Но до вступления на пост военного министра Д.А. Милютин был куда менее корректен, и в некоторых текстах позиционировал Донское войско как отжившее свое время. Приведем еще одну показательную цитату. «Не нужно доказывать, что всякие иррегулярные поселенные войска тогда только хороши, полезны для государства и страшны для неприятеля, пока они находятся вблизи от сего последнего; они образуются опытностью и без войны не могут быть никакими средствами поддерживаемы, как войска регулярные. Не говоря уже о донских казаках, которые теперь живут, можно сказать, внутри Империи, нельзя не заметить даже и в линейных казаках разницы в воинственности между станицами, поселенными на самой линии, и внутренними, отдаленными от линии» (Volvenko, 2016: 400).

Впрочем, Д.А. Милютин оказался достаточно разумным и осторожным государственным деятелем, чтобы, несмотря на все подобные соображения, так и не поставить открыто вопроса о необходимости немедленного расформирования Донского войска. Однако уже вскоре после назначения на должность военного министра в 1861 г. генерал заявил о необходимости отказа от традиционной, достаточно консервативной правительственной политики в казачьих войсках. Едва ли не впервые в истории России для центральных властей на первое место выходила не военная, но гражданская составляющая казачества. Более того, впервые на таком уровне было выражено сомнение в эффективности казачьих частей. Но красноречивее всего об этом скажут слова самого Д.А. Милютина, обращенные к императору в рамках самого первого всеподданешего доклада нового военного министра. «В какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении – это такой вопрос, для решения которого требовались бы весьма сложные исследования; касаться его здесь было бы неуместным. Военное министерство, на которое возложено не одно лишь заведование казаками как частью военных сил государства, но также и управление всем населением известных областей, – должно считать своею задачей вести дело так, чтобы согласовать, сколько возможно, противоположные интересы военные и гражданские, то есть заботиться о наибольшем развитии и устройстве казачьего войска в боевом отношении, насколько эта цель совместима с гражданским благосостоянием и преуспеянием народа. *Министерство не должно забывать, что казачьи территории – не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи.* В этих видах предстояло приступить к целому ряду мер и преобразований по всем частям гражданского устройства с тою целью, чтобы *применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы*; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения. Существовавшее законодательство относительно казачьих войск, основанное на Положении, составленном в 1835 году для Донского войска, совершенно устарело и не могло уже служить руководством на практике (курсив везде мой – А.П.)» (Милютин, 1999: 262-263).

Безусловно, начало полномасштабных реформ донского казачества было связано не только с личностью Д.А. Милютина, но и с приведенными выше объективными факторами. Об этом говорит уже то, что разработка нового «Положения о войске Донском» началась еще в 1859 г., до прихода генерала на должность военного министра. Однако тогда Военное Министерство только отреагировало на вскрывшиеся проблемы, причем предоставив решение этих проблем местным властям и не предложив какой-либо собственной политики. Мы пишем об этом так уверенно потому, что работы над аналогичными «Положениями» были начаты во всех казачьих войсках, но центральной властью не было даже сформулировано, каким требованиям эти документы должны будут соответствовать и на каких идеях основываться (Милютин, 1999: 263). И только в 1861 г., сразу после назначения Д.А. Милютина, центральный аппарат Военного Министерства приступил к разработке «общей программы, в которой были бы установлены общие начала для всех Положений», причем роль местных комиссий было решено свести до простой адаптации нового документа «сообразно особенным местным условиям» (Милютин, 1999: 263).

Разумеется, военный министр, загруженный множеством иных обязанностей, не мог осуществлять непосредственное руководство процессом реформ в казачьих войсках. Он нуждался в доверенных людях для этого, и одним из первых действий Д.А. Милютина в качестве руководителя военного ведомства стало отстранение от должности генерал-лейтенанта А.И. Веригина, начальника Управления иррегулярных войск. Это кадровое решение представляется нам крайне значимым: А.И. Веригин не принадлежал к числу выдающихся офицеров, и его пребывание на данном посту свидетельствовало о том, что предыдущий военный министр, Н.О. Сухозанет, не относил Управление иррегулярных войск к ключевым. Вот что писал об этом Д.А. Милютин: «Хотя сам он (А.И. Веригин – А.П.) был высокого мнения о себе, но в действительности не отличался ни особенными способностями, ни обширным умственным кругозором, и мало имел значения в глазах министра

(Н.О. Сухозанета – А.П.)» (Милютин, 1999: 26). На смену А. И. Веригину пришел не человек из аппарата Военного Министерства, но офицер-«кавказец», связанный с Д.А. Милютиным личными отношениями. Генерал-лейтенант Н.И. Карлгоф никогда не командовал казачьими частями и не служил в местных войсковых администрациях, зато был «своим сотрудником» нового военного министра (Милютин, 1999: 97). Таким образом, Управление иррегулярных войск возглавлял теперь не ординарный генерал, без «особенных способностей» и «умственного кругозора», но многолетний сподвижник Д.А. Милютина, способный взять на себя реализацию далеко не самых простых и популярных идей своего начальника о предстоящих реформах.

И Н.И. Карлгоф справился с этой сложной и неблагодарной задачей: он успешно руководил Управлением иррегулярных войск, позже переименованным в Главное Управление Иррегулярных войск, десять лет (Столетие, 1902а: 783), причем именно на этот период пришлись самые радикальные правительственные реформы казачества в XIX в. Д.А. Милютин был вполне доволен своим соратником: по его свидетельству, Н.И. Карлгофу даже при работе с депутатами от казачьих войск удавалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль – отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (Милютин, 2005: 403).

В 1861 г. именно Н.И. Карлгофу было поручено руководить составлением «общей программы» для новых «Положений» о казачьих войсках (Милютин, 1999: 263). Однако едва ли бывшего офицера Кавказской армии стоит рассматривать как главного автора этого документа. А.А. Волвенко уже обращал внимание на то, что реальные знания Н.И. Карлгофа о казачестве в это время не могли быть особенно велики, и, вероятно, основную работу взяли на себя другие чиновники Управления иррегулярных войск (Волвенко, 2014b: 75). И тут Д.А. Милютину очень повезло, но чтобы понять суть этого везения нужно сделать достаточно обширное отступление.

Как ни странно, в первой половине XIX в. Земля Войска Донского если и не была terra incognita для широких слоев российского общества, то, по крайней мере, недалеко ушла от подобного статуса. Историкам известен целый ряд анекдотичных случаев, показывающих, насколько российские интеллигенты и чиновники ничего не знали о Доне. Снова дадим слово И.И. Краснову. «Когда я в молодости приехал в Петербург на службу, в гвардию, то мне часто приходилось слышать вопросы: «Каким языком говорят у вас на Дону?» и «Вы довольно чисто говорите по-русски, и у вас в разговоре не слышно ничего азиатского?» (Королев, 1991: 211). Еще более любопытен анонимный текст, который был опубликован в «Русской старине» донским генералом А.П. Чеботаревым. В нем, помимо всего прочего, рассказывалось о званном обеде у писателя П.Р. Фурманна, состоявшемся в 1851 г. Но лучше опять обратимся к первоисточнику. «Греч (Н.И. Греч – А.П.) обратился к донскому полковнику с вопросом:

- А что-как теперь поживают на Дону? Начинают ли исчезать кочевья? Делает ли успехи христианская проповедь? И вообще показываются ли на Дону какие-нибудь начала европейской жизни?

Донской полковник, видимо, смутился; лицо его выразило крайнее недоумение... После нескольких секунд молчания он, дрожащим от сильного волнения голосом, произнес:

- Извините меня, Николай Иванович; но я, в свою очередь, хочу сделать вам вопрос – серьезно ли вы спрашиваете меня, или хотите шутить? К подобной шутке я не вижу никаких побудительных причин. Стало быть, вы спрашивали серьезно... И поэтому я не могу не высказать того, что чувствую теперь... Вы изъездили всю Европу, вы так глубоко изучили быт и нравы всех ее народов, вы так подробно описали все закоулки Германии, а вовсе не знаете даже замечательных областей «нашего» отечества, для сынов которого вы написали и грамматику их языка... Повторяю, что если вы спрашивали меня о нынешнем состоянии Дона «серьезно», то я вам отвечу, что нынешние донцы вполне оседлые, вполне русские люди, русские люди не только по происхождению, по религию, по языку, по жилищам их и нравам, но даже и по уровню цивилизации со всеми обитателями русских губерний...

Греч вскочил со своего места и рассыпался в извинениях» (Дон, 1879: 179).

Мы не случайно привели развернутый ответ донского полковника и реакцию на него Н.И. Греча. Донские офицеры, служащие в столице, невольно и неизбежно служили для русского общества источником знаний о казачестве, о его проблемах и чаяниях. Но соответствовал ли реальности тот образ Донского войска, который они транслировали столичным жителям? Еще В.Н. Королев установил, что представители казачьей аристократии, «дворяне из высшего круга» – а с петербургским обществом общались в основном они обычно симпатизировали прогрессистским идеям (Королев, 1991: 229). И это неизбежно сказывалось на их описаниях. Например, Н.И. Краснов, доказывая необходимость реформ на Дону, в середине 1860 гг. утверждал следующее: «Статистические изучения казачьих территорий наглядно показали, что земли, населенные казаками, несмотря на благоприятные свои угодья, заключающиеся в судоходных и обильных рыбою водах, при неисчерпаемых минеральных богатствах и плодородии почвы, едва прокармливают казачье население (курсив наш. – А.П.), не принося никаких доходов в государственную казну» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1160б-117). Между тем правительственная документация 1860 гг. рисуют совсем другую картину, картину всеобщей зажиточности в казачьих войсках. Приведем отрывок из

документации Военного Совета. «Благосостояние их (станций – А.П.) находится на степени более чем удовлетворительной; казак живет зажиточно, собственные их постройки, так же как и общественные, в хорошем состоянии; храмы Божии благолепны, вообще нужды в станице не замечается, и нищенство не существует» (Столетие, 1911: 77). Казакоманы в это десятилетие и вовсе доказывали, что казак живет куда богаче русского крестьянина (Х.П., 1863: 2-3). Можно усомниться в достоверности этих сведений, но в работах, специально посвященных экономическому развитию Дона, сам Н.И. Краснов был вынужден признавать правоту своих оппонентов: так, в 1864 г., в «Военном обозрении Земли Войска Донского» он писал, что «донские обитатели, при сравнении их с жителями других губерний и областей империи, пользуются большими удобствами жизни» (Краснов, 1864: 213).

Не удивительно, что казакоманы прямо обвиняли живущих в Санкт-Петербурге казаков в предательстве войсковых интересов и обмане имперского правительства. Вероятно, лучше всего об этом писал А.М. Дондуков-Корсаков. «Часть дворянства, преимущественно незнакомая совершенно с краем, народным бытом, остается равнодушна к общим интересам массы. Частью личные виды или материальные причины, частью болезненное в настоящее время увлечение к изменению всего существующего, хорошего и дурного, суть причины, по которым всякая, даже основная перемена будет встречена помянутыми лицами с бессознательным одобрением. В Петербурге понятие о казаках и потребностях войска преимущественно составляется из мнений этого меньшинства. Странно слышать в обществе выражение, что казаки «желают того-то» или «тяготеют тем-то», когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия отрицанием идеи казачества» (Карасев, 1896: 587).

Должность помощника начальника Управления иррегулярных войск и при А.И. Веригине, и при Н.И. Карлгофе занимал генерал-майор А.П. Чеботарев. Этой интереснейшей личности так же посвятил статью А.А. Волвенко (Volvenko, 2015). А.П. Чеботарев был донским казаком по происхождению, причем принадлежал к ближайшему окружению прогрессистского семейства Красновых. Так, В.Н. Королев упоминает о его дружбе с И.И. Красновым (Королев, 1991: 222). Позже правительственный чиновник сблизился с Н.И. Красновым, несмотря на разницу в возрасте. Именно донскому статистику вдова А.П. Чеботарева передала воспоминания мужа для публикации (Воспоминания, 1884: 322-335).

Неудивительно, что, имея таких друзей, А.П. Чеботарев стал одним из тех «богатых служащих» в Санкт-Петербурге, которые внушали имперскому правительству мысль о необходимости радикальных реформ донского казачества. Еще в бытность военным министром Н.О. Сухозанета А.П. Чеботарев считал неизбежным введение на Дону частной собственности на землю, с правом ее свободной продажи иногородним. Тогда идеи генерала не встретили поддержки старого военного министра, который полагал, что они слишком радикальны и их реализация может просто разрушить казачество. Но помощник начальника Управления иррегулярных войск не только не изменил позиции, но и назвал доводы Н.О. Сухозанета «уродственными рассуждениями» (Volvenko, 2015: 110). Куда более благосклонно к его идеям отнесся заместитель военного министра Д.А. Милютин. При участии Д.А. Милютина А.П. Чеботарев сумел реализовать один из своих самых смелых проектов, добившись все-таки того, чтобы в одном из казачьих войск при определенных условиях земля передавалась казакам не в пользование, а в полное владение. Казачий генерал предложил проявить определенную гибкость при освоении закубанских территорий, используя не кнут – насильственное переселение – но пряник, заключающийся в предоставлении всем переселившимся туда лицам войскового происхождения в полную собственность нескольких десятин земли (Volvenko, 2015: 110). Этот локальный на первый взгляд проект стал поворотной точкой во всей истории казачества: в 1860 г. именно на его основе было пересмотрено земельное законодательство во всех казачьих войсках и введена частная собственность. Лично Александр II, довольный результатами реформы, выразил желание распространить ее «на прочие войска в видах развития торговли и промышленности» (Волвенко, 2014а: 14).

Таким образом, А.П. Чеботарев был убежденным прогрессистом, уверенным в том, что от системных реформ казачества Дон только выиграет. Близость такого подхода к либеральным и антисловным идеям Д.А. Милютина очевидна. Более того, еще в бытность военным министром Н.О. Сухозанета А.П. Чеботарев при участии Д.А. Милютина начал работу над введением в казачьих войсках частной собственности, которая неизбежно разрушала принцип замкнутости казачества, поскольку предполагала возможность продажи земли иногородним. Поэтому казачий генерал не только сохранил свою должность после назначения Н.И. Карлгофа начальником Управления иррегулярных войск, но и стал членом «команды» нового военного министра, не забывшего о своем подчиненном и после его ухода с ответственных должностей в 1870 г. (Volvenko, 2015: 112).

Заслуживают внимания и другие казаки-прогрессисты, занимавшие ключевые должности в Управлении иррегулярных войск. Так, в 1858–1864 гг. чиновником для особых поручений при А.И. Веригине и Н.И. Карлгофе был И.Д. Попко (Список, 1891: 106), кубанский казак по происхождению и известный военный писатель. Административная деятельность ничуть не мешала ему публиковаться в эти годы на страницах периодической печати под псевдонимом «Есаул» (Волвенко, 2017: 76). Статьи «Есаула», доказывающие правильность избранной Военными

Министерством политики, вызывали у многих крайнее раздражение. Во время архивной работы в ГАРО мы обнаружили развернутый критический текст Х.И. Попова, посвященный одной из статей И.Д. Попко. «Кто знаком сколько-нибудь с литературной деятельностью Есаула, тот не только не нуждается в пояснениях о направлении произведения его под названием «О преобразованиях в казачьих войсках», напечатанного в 8 номере «Русского вестника», но и не удивится нисколько, что ему пришлось по сердцу известное сочинение господина Кр-ва «О народности в Войске Донском» (под псевдонимом Кр-ва были скрывались неоднократно упоминавшийся нами И.И. Краснов – А.П.). *Идеи и статьи господина Кр-ва были руководствами для нашего автора* (курсив мой – А.П.)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Сменил же И.Д. Попко в 1864 г.... Н.И. Краснов, сын И.И. Краснова и еще один радикальный прогрессист (Список, 1891: 445). Личный друг главного идеолога донских проправительственных либералов-прогрессистов, его сын и его убежденный сторонник – раз такие люди занимали ключевые должности в Управлении иррегулярных войск в 1860 г., неудивительно, что разработанная коллективным трудом чиновников данного органом «общая программа» для составления новых «Положений» о казачьих войсках предполагала проведение самых радикальных реформ и вполне удовлетворила Д.А. Милютину. А.А. Волвенко предполагает, что главную роль в разработке этого документа, получившего название «Соображения учрежденного при УИВ комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», сыграли А.П. Чеботарев и И.Д. Попко (Волвенко, 2014b: 75). И действительно, в нем трудно не заметить точек пересечения с теми идеями, которые выдвигались А.П. Чеботаревым еще в бытность военным министром Н.О. Сухозанета: так, планировалось введение в казачьих войсках частной собственности на землю с правом ее свободной продажи иногородним и уничтожение сословной замкнутости войскового сословия (Волвенко, 2014a: 15). Военное Министерство, утвердив данный документ, и разослав его во все казачьи войска, сразу сделало ставку на уничтожение основополагающих принципов казачества, которые, по любопытному мнению А.М. Дондукова-Корсакова, вообще делали казака казаком (Карасев, 1896: 569-591).

Остается подчеркнуть необычность отношений имперской власти с казачеством в 1860 г. Для Российской империи традиционно был характерен достаточно консервативный подход к казачьим войскам, боязнь разрушить их уклад. А.П. Чеботарев был свидетелем того, как Николай I дал такой наказ донскому атаману М.Г. Власову: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: *надобно чтобы на Дон не доходила никакая реформа* (курсив мой – А.П.), ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года» (Волвенко, 2015: 109). Современный историк Б.С. Корниенко использовал для характеристики подобной политики удачное определение «усилия правительства, направленные на сохранение «славного Войска Донского»» (Корниенко, 2013: 32). Однако Д.А. Милютин был сторонником совершенно иного, реформаторского подхода: он неоднократно подчеркивал, что иррегулярные войска представляют собой только часть Российской империи, и должны существовать только до тех пор, пока приносят ей пользу. Соответственно, его политика не предполагала консервацию сложившегося порядка с решением только наиболее очевидных и насущных проблем (подобную политику, на наш взгляд, проводило большинство военных министров). Тем более Д.А. Милютин не хотел, как предлагали казакманы, с некоторыми усовершенствованиями реставрировать старые казачьи порядки. Генерал сразу показал себя сторонником смелых реформ, направленных на обеспечение максимальной «полезности» казачества для России. И, как либерал и западник, он вполне предсказуемо считал своей целью не столько вернуть казачеству прежнюю боевую силу, сколько сделать казачьи войска нормальными частями государства, развитыми экономически, доступными для всех его граждан и лишенными особых, связанных с сепаратизмом привилегий.

И Д.А. Милютину повезло. Уже к моменту его назначения военным министром в Управлении иррегулярных войск ключевые позиции занимали А.П. Чеботарев и И.Д. Попко, представители двух крупнейших казачьих войск, хорошо знающие ситуацию внутри них, и разделяющие идеи своего нового начальника. Фактически им не хватало только поддержки сверху, чтобы начать активно действовать: как мы показали выше, Н.О. Сухозанет, подобно большинству российских военных министров, боялся радикально реформировать казачество, полагая, что это приведет к его уничтожению. Этому есть свидетельства и кроме воспоминаний А.П. Чеботарева: в 1859 г. действительный статский советник А.Д. Крылов подал в Военное Министерство записку, в которой обращал внимание на не разработанность ресурсов донского края, и призывал «сделать из казаков не только военных людей, но и полезных государству граждан». Добиться этого он предлагал уничтожением замкнутости Донского войска и введением частной собственности на землю (Волвенко, 2014a: 14). Трудно не заметить явной близости этой записки правительственным «Соображениям учрежденного при УИВ комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», которые были разработаны всего через три года. Но это было уже при другом военном министре, а Н.О. Сухозанет отверг идеи А.П. Крылова (Волвенко, 2014a: 14).

Таким образом, Д.А. Милютин и его сослуживец по Кавказу, новый начальник Управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф были поддержаны немногочисленной, но крайне значимой

группой казаков, служивших в центральном аппарате Военного Министерства. Трудно переоценить значение подобной поддержки: как мы показали выше, столичное общество было недостаточно информировано о положении дел в казачьих войсках, и служащие в Санкт-Петербурге офицеры этих войск служили еще и источником знаний о своей малой родине. Если бы в аппарате Управления иррегулярных войск преобладали гораздо более многочисленные в казачьей среде казакоманы, реформы были бы серьезно затруднены, и потребовали бы массовой чистки аппарата, как то было на местах: например, на Дону к серьезным преобразованиям удалось перейти только после увольнения оппозиционных правительству атамана П.Х. Граббе и начальника штаба А.М. Дондукова-Корсакова (Волвенко, 2014а: 13-18). Но если бы Д.А. Милютин не поддерживали хотя бы казаки из центрального аппарата Военного Министерства, этот процесс был бы еще больше осложнен или, возможно, даже сорван (в конце концов, кто-то должен был заниматься черновой работой, преобразуя довольно обобщенные идеи Д.А. Милютина в конкретные, привязанные к ситуации на местах законоположения, и не саботируя процесс попытками реализовать казакоманские проекты) (Волвенко, 2014а: 16-17). При всей важности объективных факторов, вызывавших необходимость реформ донского казачества в середине XIX в., без Д.А. Милютина, Н.И. Карлгофа, А.П. Чеботарева, И.Д. Попко и представителей семейства Красновых эти реформы вряд ли удалось начать так быстро, и им едва ли удалось приобрести такой масштабный характер.

Для сравнения уместно обратиться к опыту конца XIX – начала XX вв. К этому времени стали очевидны новые проблемы Донского войска, прежде всего связанные с падением благосостояния казачьих хозяйств и проистекающей отсюда неспособностью казаков самостоятельно снарядиться на службу. Однако адекватного решения им так и не было найдено до самой революции 1917 г. По оценке А.А. Волвенко, донской атаман Н.И. Святополк-Мирский, при котором эти проблемы впервые достигли критического масштаба, вообще не считал их значимыми и не пытался каким-либо образом разрешить (Волвенко, 2017: 120). А.П. Скорик отмечает, что к концу правления этого атамана донская элита оказалась разделена на «традиционалистов», «считающих, что ничего не стоит менять, поскольку дела в казачьем крае идут не так уж плохо», и «реалистов», «оценивающих сложившееся положение вещей весьма критически и выступающих за радикальные перемены в жизни донского казачества» (Скорик, 2015: 77-78). Военное Министерство в этих условиях действовало крайне медленно и осторожно, не рискуя реализовывать даже достаточно невинные проекты вроде создания новых территориальных округов (Скорик, 2015: 83). Фактически в течение 20 лет перед революцией имперские власти не решались перейти к серьезным реформам Донского войска, и имеющиеся проблемы углублялись и обретали хронический характер. Напротив, уже в первый год пребывания Д.А. Милютина в должности военного министра правительство четко показало желание радикально преобразить казачество, и в дальнейшем относительно успешно разрешило все те проблемы, которые мы отметили в своей статье. Но далеко не все из принятых решений были оптимальными, а некоторые из них (в особенности свободный допуск на территорию Донского войска иногородних с правом покупки земли) породили новые сложности. И к 1880 г. многие казачьи общественные деятели и чиновники Военного Министерства считали, что лекарство оказалось хуже болезни. Ярким примером такого мнения могут служить приведенные в начале нашей работы высказывания Н.А. Маслаковца. И он был далеко не одинок: в 1899 г. члены Комиссии для изыскания мер к восстановлению экономического благосостояния донского казачества связывали начало стремительного обеднения казаков именно с неудачными реформами 1860–1870 гг., особенно выделяя военную реформу 1875 г. (Маслаковец, 1899: 1).

5. Заключение

К началу 1860 гг. реформы на Дону назрели уже давно. Правда, необходимы они были скорее Российской империи, чем самому казачеству: постепенно возрастающее экономическое отставание Земли Войска Донского от соседних губерний становилось все очевиднее, а падение боеспособности казачьих частей, начавшее проявляться в ходе Кавказской войны, к Польскому восстанию 1863–1864 гг. достигло критических масштабов. В этих условиях даже зазвучали голоса о необходимости ликвидировать казачьи войска, заменив их регулярной кавалерией и обратив казачьи земли в гражданское состояние. Как мы показали выше, в начале 1860 гг. именно к этому призывал Н.А. Маслаковец, поскольку казаки якобы были «дурно или даже вовсе не обучены и совершенно почти не привычны к отбыванию воинской службы». Н.И. Краснов отстаивал ту же идею с несколько иных позиций, доказывая, что даже при равной боеспособности казачьи части куда менее выгодны для казны (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290). Эти авторы, вероятно, несколько сгущали краски, но правительство уже не могло игнорировать вопроса о том, насколько в государстве XIX в., мощь которого определялась не только силой армии, но и развитием экономики, были нужны далеко не идеальные донские полки в обмен на экономическую стагнацию богатейшего края.

Необходимость реформ обуславливалась и другими факторами. Управление Землей Войска Донского, несмотря на назначение атаманами лиц не казачьего происхождения, все еще осуществлялось скорее в соответствии с местными традициями, чем с законодательством Российской империи. Более того, в рамках этого же законодательства большая часть донских чиновников была выборными, причем кандидатами могли быть только немногочисленные донские дворяне, а

командиры строевых полков вообще назначались в порядке живой очереди полковников. В результате на высоких должностях нередко оказывались заведомо неспособные или недобросовестные люди, а атаман не мог сменить их. Попытки изменить эту порочную систему трактовались как наступление на казачьи привилегии, а среди самих донских офицеров и чиновников процветала круговая порука. Государство несло от этого вполне ощутимый убыток: напомним, что в ходе одного дела Когальникова вскрылась передача в частные руки тысяч десятин земли!

Самой вопиющей из донских традиций, столь дорогих местным чиновникам, была пресловутая «замкнутость» Донского войска. Как мы показали выше, она состояла из двух частей: из запрета иногородним покупать недвижимость на Дону и из закрытости казачьего сословия. Но первый из этих двух принципов уже в 1850 гг. не соблюдался, в чем сознавались даже казачьи депутаты: «полезные» иногородние без проблем покупали в станицах дома и лавки, причем юридические способы обойти закон не составляли ни для кого тайны. «Вредные» же представители не казачьего сословия «без проблем» изгонялись из станиц, очевидно, по одному решению местных властей. Понятно, что такое положение дел не могло устроить центральные власти, и с ним нужно было что-то предпринимать.

Нужно было что-то делать и с казаками, не горящими желанием проходить традиционную казачью службу. Отрицать существование таковых не брались даже казакманы: люди, мечтающие стать столь необходимыми Дону торговцами, ремесленниками, мастерами, были вынуждены до 40 с лишним лет служить в строевых частях, возвращаясь на Дон только на краткую льготу. Даже казаки, получившие высшее образование, не освобождались от службы, в отличие от представителей других сословий. В то время, как на территории Земли Войска Донского почти не было учителей, юристов, экономистов, закон мешал работать по специальности людям, обучавшимся этим профессиям!

Поэтому, на наш взгляд, Великие реформы на Дону нужно связывать не только (а, возможно, и не столько) с общероссийским контекстом модернизации и либеральных реформ, как это традиционно принято в историографии. Само Донское войско, донское казачество в прежних формах все больше утрачивало эффективность, и грозило превратиться в обузу для имперской власти. Мы рискуем высказать предположение, что даже если бы в Российской империи не было Великих реформ, Военное Министерство рано или поздно было бы вынуждено начать серьезные преобразования донского казачества. С другой стороны, даже в условиях 1860 гг. действия центральной власти на Дону могли бы быть совершенно иными, если бы военным министром был не Д.А. Милютин, а другой человек.

Об этом свидетельствует, в частности, позиция предыдущего военного министра, Н.О. Сухозанета, который опасался, что радикальные реформы в конечном счете приведут к ликвидации донского казачества. Программы же иных, не радикальных реформ, содержат и предложения станичных депутатов по поводу нового «Положения о войске Донском» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. 240), и «Записка о Земле Войска Донского» А.М. Дондукова-Корсакова (Карасев, 1896). Возможно, в других условиях реализованы были бы подобные проекты казакманских, а не прогрессистских по духу преобразований. Однако здесь в дело вступили уже субъективные факторы.

И тут прежде всего следует отметить крайнюю неприязнь имперской элиты к идее о замкнутости Донского войска. В этом вопросе сошлись либералы и консерваторы, К.П. Победоносцев и П.А. Валуев. Правда, либералов не устраивала архаичная, сословно-феодалная природа этой идеи, дающей преимущество части населения исключительно из-за происхождения, а консерваторы видели в ней основу для будущего сепаратизма, особенно опасного после Польского восстания. Показательно, что против казакманского проекта нового «Положения о войске Донском», составленного при участии депутатов от станиц, выступили представители всех центральных органов Российской империи, куда он был разослан, кроме Святейшего Синода (Волвенко, 2014а: 18).

Но окончательно либерально-прогрессистскую направленность Великих реформ на Дону, по мнению многих современников, противоречащую самому духу казачества, определила личность Д.А. Милютина. Генерал, в отличие от большинства своих предшественников и преемников, уже в момент назначения на должности военного министра если и не имел детальной программы предстоящих преобразований в казачьих войсках, то, по крайней мере, четко представлял, каким целям эти преобразования должны будут служить. И на первом месте для него было экономическое развитие казачьих территорий, превращение их из «военных лагерей» в нормальные «части Империи». Именно это, а не проведение реформ в принципе, позже вменяют ему в вину противники. Так, Н.А. Маслаковец в 1889 г. напишет: «Взамен прежнего поддержания в казаках военного духа и строгой дисциплины даже в домашнем быту, с половины шестидесятых годов возникла идея о развитии среди казачьего населения духа гражданственности» (ОР РНБ, Ф. 1055, Д. 104, Л. 5-50б). По мнению генерала, в результате применения этой идеи экономика казачьих войск, возможно, в чем-то и выиграла, но... если бы правительство продолжило претворять ее в жизнь «прежняя служебная деятельность казаков в сфере боевых сил Империи вскоре стала бы невозможной» (ОР РНБ, Ф. 1055, Д. 104, Л. 5-50б).

Радикальная политика военного министра нашла активную поддержку в Управлении иррегулярных войск. Несмотря на преобладание в казачьей среде казакманских настроений, именно

в этом органе казачество представляли почти исключительно прогрессисты: так, еще до назначения Д.А. Милютин военным министром, помощником начальника этого управления служил личный друг лидера донских прогрессистов И.И. Краснова А.П. Чеботарев, а чиновником особых поручений состоял «руководствовавшийся идеями и статьями господина Краснова» И.Д. Попко. И поэтому Военное Министерство сразу же после смены министра сумело взять в свои руки инициативу в деле составления «Положений» о казачьих войсках, сумев оперативно сформулировать для них единую радикально-прогрессистскую программу, в которой трудно не заметить идей не только Д.А. Милютин, но и А.П. Чеботарева. И в конечном счете, пользуясь своим влиянием, поддержкой в аппарате Военного Министерства и неприятием российской элитой идеи о замкнутости Донского войска, Д.А. Милютин сумел реализовать именно свою программу реформ, уничтожившую законодательное закрепление многих традиционных для Донского войска принципов.

Итак, Х.И. Попов был не прав, доказывая, что казачество 1860 г. не нуждалось в новых порядках. Возможно, простые казаки не чувствовали «бедствий» сложившегося положения, не понимали его обреченности, но Донское войско стремительно теряло свою эффективность как государственный институт. И желание имперских чиновников провести реформы не было простой попыткой соответствовать тенденциям времени, улучшив в чем-то архаичную, но еще вполне действующую структуру, как писал П.Н. Краснов. Донское казачество 1850–1870 гг. испытывало ряд острых проблем, и мы считаем возможным говорить о его кризисе, не менее серьезном, чем в начале XX в. И реформы этого времени на Дону были не столько частью реформ общероссийских, сколько попыткой эти проблемы решить.

Литература

Волвенко, 2014a – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16. №3. С. 12–20.

Волвенко, 2014b – Волвенко А.А. Программа гражданского курса Военного министерства в отношении казачьих войск (1860-е гг.) // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов-на-Дону, 2014. С. 73–79.

Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

Воспоминания, 1884 – Воспоминания донского казака // *Военный сборник*. 1884. № 2. С. 322–335.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Горбунова, 2011 – Горбунова Н.В. Донское казачество как институт самоорганизации: некоторые исторические реалии // *Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2011. № 6. С. 55–60.

Дон, 1879 – Дон и донцы в прежнее и настоящее время (из дорожных записок кавказского офицера). 1877 г. // *Русская старина*. 1879. Т. 25. С. 173–188.

Захаревич, 2005 – Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.

Захаревич, Скиба, 2016 – Захаревич А.В., Скиба К.В. О донских казаках, служивших на Кубанской линии в 1790–1830-ых гг. // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX*. Пятигорск, 2016. С. 90–98.

И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73–89.

Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569–591.

Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.

Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

Милютин, 1999 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860–1862. М., 1999. 559 с.

Милютин, 2005 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1865–1867. М., 2005. 696 с.

Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

- Скорик, 2015** – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Список, 1891** – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.
- Столетие, 1902a** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.
- Столетие, 1902b** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.2. СПб., 1902. 372 с.
- Столетие, 1911** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.4. СПб., 1911. 462 с.
- Х.П., 1863** – Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // *Донские войсковые ведомости*. 1863. № 20. С. 2–3.
- Харузин, 1885** – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 432 с.
- Volvenko, 2015** – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.
- Volvenko, 2016** – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411.

References

- Volvenko, 2014a** – Volvenko A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860–1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is. 3. pp. 12-20 [in Russian].
- Volvenko, 2014b** – Volvenko A.A. (2014). Programma grazhdanskogo kursa Voennogo ministerstva v otnoshenii kazach'ikh voisk (1860-e gg.) / The program of the civilian course of the Military Ministry with respect to the Cossack troops (1860s). / Scientific heritage of Professor A.P. Prinshtein and the actual problems of the development of historical science (to the 95th anniversary of the birth of an outstanding Russian scientist). Rostov-on-Don. pp. 73-79 [in Russian].
- Volvenko, 2017** – Volvenko A.A. (2017). Ocherki po istorii donsogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. pp. 226 [in Russian].
- Vospominaniya, 1884** – Vospominaniya donsogo kazaka [Memories of Don Cossack]. *Voennyi Sbornik*. 1884. № 2. pp. 322-335 [in Russian].
- GARO** – State archive of the Rostov region.
- Gorbunova, 2011** – Gorbunova N.V. (2011). Donskoe kazachestvo kak institut samoorganizatsii: nekotorye istoricheskie realii [Don Cossacks as an institution of self-organization: some historical realities]. *University news. North-Caucasian region. Social sciences series*. № 6. pp. 55-60 [in Russian].
- Don, 1879** – Don i dontsy v prezhee i nastoyashchee vremya (iz dorozhnykh zapisok kavkazskogo ofitsera). 1877 g. [Don and Don Cossacks in the past and present (from the road notes of an officer of Caucasian army). 1877]. *Russkaya starina*. 1879. Vol. 25. pp. 173-188 [in Russian].
- Zakharevich, 2005** – Zakharevich A.V. (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voyny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-on-Don. 220 p. [in Russian].
- Zakharevich, Skiba, 2016** – Zakharevich A.V., Skiba K.V. (2016). O donsikh kazakakh, sluzhivshikh na Kubanskoj linii v 1790–1830-ykh gg. [About the Don Cossacks, who served on the Kuban line in the 1790-1830's]. *Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – IX. Pyatigorsk*. pp. 90-98 [in Russian].
- I.K., 1865** – I.K. (1865). Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyi Sbornik*. №1. pp. 73-89 [in Russian].
- Karasev, 1896** – Karasev A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591 [in Russian].
- Korniyenko, 2013** – Korniyenko B.S. (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologiya nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. 232 p. [in Russian].
- Korolev, 1991** – Korolev V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. [in Russian].
- Krasnov, 1863** – Krasnov N.I. (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1864** – Krasnov N.I. (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1870** – Krasnov N.I. (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. 290 p. [in Russian].
- Maslakovets, 1899** – Maslakovets N.A. (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of

the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. [in Russian].

[Miljutin, 1999](#) – *Miljutin D.A.* (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. M. [in Russian].

[Miljutin, 2005](#) – *Miljutin D.A.* (2005). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865-1867]. M. [in Russian].

[Novickij, 1991](#) – *Novickij V.D.* (1991). Iz vospominanij zhandarma [From policeman memories]. M. [in Russian].

[OR RNB](#) – Department of manuscripts of Russian national library.

[RGVIA](#) – Russian state military and historical archive.

[Skorik, 2015](#) – *Skorik A.P.* (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. [in Russian].

[Spisok, 1891](#) – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentjabrja 1891 g. [The list of generals in seniority. Compiled by September 1, 1891]. SPb., 1891. [in Russian].

[Stoletie, 1902a](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.1. SPb., 1902. [in Russian].

[Stoletie, 1902b](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.2. SPb., 1902. [in Russian].

[Stoletie, 1911](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. [in Russian].

[H.P., 1863](#) – H.P. (1863). Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennyh sluhov [Thoughts about the Cossacks by Cossack about contemporary rumors]. *Donskie vojskovye vedomosti*. № 20. pp. 2-3 [in Russian].

[Kharuzin, 1885](#) – *Kharuzin M.N.* (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law: vol. 1]. M. [in Russian].

[Volvenko, 2015](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114 [in Russian].

[Volvenko, 2016](#) – *Volvenko A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411 [in Russian].

УДК 93/94

«Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок»: местные предпосылки реформ 1860–1870 гг. на Дону. Часть II

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, c*}

^a Международнoй сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^c Американская ассоциация историков, США

Аннотация. Во второй части статьи мы продолжаем исследование региональных предпосылок реформ 1860–1870 гг. на Дону на основании работ современников, включая неопубликованные рукописи. Нам удалось выявить еще некоторые проявления кризиса донского казачества середины XIX в. Донские части демонстрировали все меньшую боеспособность с каждой новой войной. Система управления донским краем была архаичной и малоэффективной. Мы пришли к выводу, что реформы были необходимы донскому казачеству по внутренним, а не внешним причинам, однако то, что преобразования были направлены на его "гражданское развитие", в ущерб военной составляющей, было личным решением военного министра Д.А. Милотина. Хотя это решение было поддержано аппаратом Военного Министерства, многие современники считали его ошибочным.

Ключевые слова: Великие реформы, Д.А. Милотин, Область Войска Донского, преобразования Донского войска 1860–1870 гг., кризис донского казачества середины XIX в.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)